

В этой рецензии было бы излишним еще раз напоминать о том, какое выдающееся место занимают в нашей иранистике и вообще в сравнительно-историческом языкознании труды В. И. Абаева, в особенности его «Историко-этимологический словарь осетинского языка», третий том которого вышел из печати в начале 1979 г.¹ В рецензиях на предыдущий том были отмечены достоинства этой во многих отношениях замечательной работы, в том числе не в последнюю очередь и ее высокий издательский и полиграфический уровень [см. 1; 2]. Значение Словаря В. И. Абаева далеко выходит не только за рамки иранского языкознания, на что уже указывали рецензенты предшествующих томов, но и за рамки наук о языке — словарем будут пользоваться представители многих гуманитарных дисциплин, он важен и для историков, и для этнографов, и для археологов. Детальной разработке семантики и этимологическому анализу слов у В. И. Абаева предшествует ясное представление о реалиях и сопутствует широкое привлечение исторических и этнографических данных. В Словаре содержатся блестящие открытия не только по осетинской этимологии, но и по этимологии многих других иранских и неиранских (в частности, славянских, германских) языков, что также многократно отмечалось и иллюстрировалось убедительными примерами в рецензиях на предыдущие тома. Немало таких открытий есть и в третьем томе.

Если не ограничиваться замечаниями общего, методологического порядка и оценкой тех или иных этимологий, то рецензирование этимологического словаря сводится, как правило, к перечислению отдельных неточностей, неудачных или сомнительных объяснений, приведению дополнительных примеров и т. п. — довольно необременительное занятие по сравнению с титаническим трудом автора словаря. Именно такими «маргиналиями» и ограничиваются настоящие заметки, с той лишь оговоркой, что особое внимание уделено в них более знакомой рецензенту памирской лексике.

Материалы памирских языков, относящихся к той же восточноиранской подгруппе, что и осетинский, естественно, широко привлекаются В. И. Абаевым во всех томах Словаря. За годы, прошедшие со времени сдачи в печать I тома (1954 г.) до выхода III (1979 г.), изучение памирских языков сильно продвинулось: были изданы описания и обширные словари большинства памирских языков [см. 3]. Так, в списке дополнительных

библиографических сокращений к III тому из 15 упоминаемых работ советских авторов — 6 посвящены описанию языков и диалектов памиро-гиндукушского региона (работы А. Л. Грюнберга, Т. Н. Пахалиной, А. З. Розенфельд, Д. И. Эдельман). Тем, что памирские языки были еще мало известны тогда, когда начиналась публикация Словаря, объясняются не совсем удачные сокращения их названий: пам. в., пам. и., пам. м. и проч. вместо обычных теперь — соответственно — вах(анский), йид(га), мундж(анский) и т. д. Сокращения пам. — памирский («иранский язык Припамирья» — т. I, с. 20) может ввести в заблуждение, так как теперь известно, что «общим» языком для припамирских народностей является местная разновидность фарси [см. 5], а собственно «памирские» языки весьма отличны друг от друга; что же касается языков йидга и мунджанского, то принадлежность их к числу так называемых «памирских» не бесспорна [см. 6]. Разумеется, в целях сохранения единства издания менять принятые однажды сокращения вряд ли целесообразно. Нельзя признать отвечающими нашим современным знаниям и такие сокращения как дард. (с. 256) — дардский (?), читр.— читральский, наряду с ховар. (в обоих случаях имеется в виду дардский язык кховар в Читрале), кафир.— кафирский (кафирских языков известно несколько: ашкун, кати, прасун...).

Еще одно замечание общего порядка: кажется вполне оправданным то большое внимание, которое уделяется при толковании слов фоносимволике. Статья на tumbyl // tumbul 'круглый' (с. 330—335), содержащая примеры идеофонов разных типов, бесспорно, может считаться вполне самостоятельным исследованием, небольшим курсом по фоносимволике. Весьма убедителен также анализ звукоизобразительной основы telp- 'шевелиться', 'телепаться' (с. 256). В иранистике фоносимволика до сих пор мало привлекалась в диахронических работах², в отличие от индоарийского сравнительно-исторического языкознания, в котором идеофонам и звукоподражаниям уделяется достаточное внимание. Р. Л. Тёрнер выделяет в своем сравнительном словаре индоарийских языков

¹ Между выходом в свет I и II томов прошло 15 лет, и всего лишь шестилетний интервал между II и III томами позволяет надеяться на то, что последующие тома будут публиковаться с еще меньшими перерывами.

² Фоносимволические образования вообще не упоминаются в труде, написанном группой московских иранистов [см. 7]. Между тем роль идеофонов и звукоподражаний в фонетических преобразованиях и в развитии грамматических типов в живых иранских языках очень велика; ср. обширные разделы о выражении категории рода в звукоподражательных именах и глаголах в языках шугнано-рушанской группы в работе Д. Карамшоева [см. 4].